

ИТАК, ОНА ЗВАЛАСЬ ТАТЬЯНОЙ

(ЗАБЫТАЯ СТРАНИЦА ИСТОРИИ РОДА ДЕМИДОВЫХ)

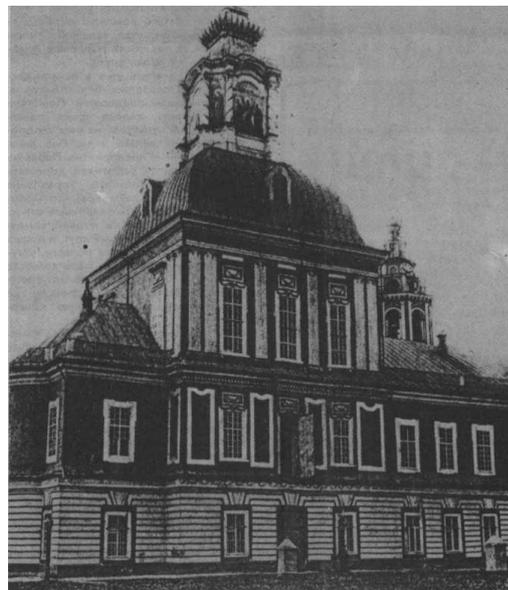
В биографиях Демидовых, даже самых известных из них, все еще остается множество белых пятен. В особенности это касается тех первых поколений демидовской фамилии, жизнь и труды представителей которых тесно связаны с Тулой и тульским краем. Летопись «тульских дней Демидовых» еще не написана и пишется медленно...

Много неясного, в частности, в истории демидовского некрополя Тулы. Николо-Зарецкая церковь, место, где погребены многие из них, таит немало загадок. И когда-то еще мы получим ответы хотя бы на некоторые из них...

Этот очерк посвящен одной из таких загадок. Путешествуя, в надежде ее разгадать, по страницам старых документов, автор прошел только часть ведущего к цели пути, не все предположения, кажущиеся сегодня правдоподобными, оправдаются впоследствии. Но от некоторых обнаруженных в ходе поиска «совпадений» уже никуда не уйти.

1. ПРЕДАНИЕ

Занимаясь выявлением персонального состава тульского некрополя Демидовых, автор обратил внимание на любопытную легенду, приведенную в известном своде П. И. Малицкого «Приходы и церкви Тульской епархии» (1895). Она касается обстоятельств появления одного из приделов Николо-Зарецкого храма. **«Придел св. ап. Андрея Первозванного, — сообщает составитель «Приходов», — был и в прежней деревянной церкви, на что дают указание сохранившиеся каменные столбы на месте прежних алтарей; то же говорит и местное предание; оно первоначальное устройство иконостаса связывает с случаем из семейной жизни Никиты Демидова, говорит, что он устроен «на костях» его дочери. У Демидова, так гласит предание, были разного рода тайные подвалы и ходы; дочь его однажды из любопытства отперла один из подвалов, чем вызвала такой гнев со стороны отца, что он ударил ее так сильно ключами, что она от того умерла; этот случай был на день св. ап. Андрея Первозванного, почему кающимся отцом и устроен придел в честь этого апостола».**

О котором из Демидовых идет здесь речь? Что за вопрос? — удивится читатель, — Ясно сказано: о Никите. И будет подразумевать при этом основателя династии Никиту Демидовича Антюфеева (р. 1656г.) — тульского оружейника, позднее комиссара, строителя нескольких металлургических заводов в Туле и на Урале. Такому пониманию текста как будто не противоречит (скорее косвенно подтверждает его) утверждение Малицкого, что Андреевский придел существовал еще в деревянной предшественнице нынешнего храма. Действительно, деревянная церковь была разобрана не прежде начала строительства Акинфием Демидовым новой кирпичной, то есть не позднее 1730 г., отец же Акинфия, комиссар Демидов, умер осенью 1725 г., — для основания придела, таким образом, резервируется значительный период времени: конец XVII века и вся первая четверть следующего.

2. ПАМЯТНИКИ ЦЕРКВЯМ

Впрочем, был ли такой придел в деревянной церкви в действительности — еще вопрос.

Из текста следует, что его существование не является для автора достоверно установленным фактом — это логический вывод, результат его умозаключений, исходящих из приведенного предания и наличия памятных знаков на месте старых алтарей. Первого аргумента касаться не

будем, ограничившись замечанием, что вычленив достоверную информацию из материала, хотя бы отчасти прошедшего фольклорную переработку, нередко очень не просто. Поговорим о втором.

Обычай устанавливать памятные знаки на местах алтарей уничтожаемых храмов хотя и не носил массового характера, все же существовал. Пример петербургский: после разборки в 1763 г. деревянной приходской Благовещенской церкви (в связи с завершением строительства каменной) там, где находился ее алтарь, установлен был в память о нем крест, окруженный невысокой оградой. Он сохранялся еще в 1904 г., то есть 140 лет спустя. Внешний вид подобных памятников жестко не регламентировался, но чаще они имели столбообразную форму. Так, при постройке новой церкви в селе Красном, Буйцы тож, Елифанского уезда (нынешние Красные Буйцы) место прежней было отмечено (вероятно, в 1795 г.) установкой каменной пирамиды с железным кованым крестом, завершавшемся венцом. Известны и более поздние примеры. Об одном из них, любопытном еще и тем, что старый алтарь, а потом памятник на его месте, оказались внутри позднейшего храма, узнаем из чертежа 1912 г., связанного с реставрацией церкви в с. Венев-монастырь. Изображение прямоугольника с более чем метровыми сторонами близ юго-восточного угла храма сопровождается надписью: **«Памятник на месте престола, упраздненного в 1827 г.»**.

В память же о престолах деревянной церкви, предшествовавшей нынешней Николо-Зарецкой, были, как сообщает И. Ф. Афремов, установлены кирпичные тумбы. Вероятно, исходя из их числа, он пишет, что престолов прежде было два — какие именно, однако, не называет. Но известно, что, возможно, в XVII в., и уж во всяком случае не позднее 1724 года, произошло объединение под одной крышей двух престолов — Христорожественского и Никольского, ранее принадлежавших парным (летней и зимней) отдельным церквям. Разместившись в одном здании, алтари остались относительно равноправными: хотя официально главным считался Христорожественский престол, второй же — придельным, церковь в XVIII веке нередко называли Никольской. Но никогда — Андреевской; этот престол был явно второстепенным. Так что если тумб было всего две, напрасно было бы искать среди них ту, что отмечала место Андреевского престола. Не потому ли, что в деревянной церкви его не существовало?

3. ЭКСКУРС В ДЕМИДОВСКУЮ ГЕНЕАЛОГИЮ

Но, спросит читатель, не слишком ли много усилий и слов истрчено ради какого-то церковного придела? Положим, не было его в деревянной церкви — что это доказывает? В конечном счете интересна историческая основа эпизода из семейной хроники Демидовых, а уж связана ли с ним история церкви — не столь важно.

Что ж, займемся семьями. Поищем дочь, о которой повествует предание.

В поколенных росписях демидовской фамилии как старых, так и новейших, дочери среди детей Никиты Антюфеева не значатся. Но ранние (тульские) поколения рода изучены плохо, фиксирующие их росписи не полны. Дочь Никиты Демидова — тому пример. Она существовала, больше того, в исторической литературе есть упоминание о ней, генеалогами не замеченные. Замужем она была за Лукьяном Марковичем Красильниковым, личностью в истории тульского металла известной. Начиная у Демидова приказчиком, вместе с братом Семеном он выбился со временем в мануфактуристы: стал владельцем медеплавильных заводов в Казанской губернии, основал промышленную династию. Имени его жены (демидовской дочери), дат ее жизни мы не знаем. В 1711 г. она была жива (по дате документа, в котором Красильников называет Никиту Демидова тестем), может быть, была и в 1721 г. (тогда родился младший из известных нам сыновей Лукьяна Петр; впрочем, не факт, что последний был ее сыном). Какая-то дочь Демидова упоминается в литературе в связи с событиями 1715—1718 гг.: вместе с братом Григорием она по проискам князя Н. М. Вадбольского две недели отсидела на цепи на тульском Оружейном дворе.

Имела ли эта дочь (дочери?) отношение к истории, о которой идет речь, сказать сегодня невозможно. Маловероятно, что взрослая женщина была одновременно настолько любопытна и безрассудна, чтобы сунуть нос в сверхсекретные тайники своего отца. Тем более, что, будучи замужем, жила самостоятельным хозяйством.

Итак, хотя и была у Никиты Антюфеева (Демидова) дочь, никаких связей ее с рассказанным преданием установить не удастся. А тут еще сомнения относительно появления в Никольской церкви Андреевского придела при жизни Никиты.

4. ХОД КОНЕМ

Но почему, собственно, мы так уверены, что в предании говорится о родоначальнике демидовской фамилии? В этом роду имя Никита было довольно распространенным. Так, у первого Никиты Демидова был сын Никита Никитич (ум. 1758 г.), в 3 колене (считая 1-м Никиту Антюфеева) — Никита Акинфиевич (1724—1789) и новый Никита Никитич (1728—1804), в 5-м — Никита Львович (1767 — ?), Никита Васильевич (1773— 1823) и Никита Григорьевич (1798 — ?). И это только те Никиты, которые близки к корню родословного древа,— в последующих коленах есть и другие. Некоторые из них — самые первые — были достаточно тесно связаны с Тулой.

Особенный интерес вызывает младший сын основателя рода, Никита Никитич Демидов, предприниматель, хозяйственно-промышленная деятельность которого развивалась в Центральной России и на Урале. (В Алексинском уезде он владел купленным у отца Дугненским доменным и передельным заводом. С 1711 г. жил отдельным от родителя двором, находившимся в Кузнецкой (Оружейной) слободе. В 1726—1734 гг. служил цегентнером Берг-коллегии: собирал налоги с металлопромышленников Тульско - Каширского металлургического района, для каковой цели организовал в Туле контору десятинного сбора. Подолгу жил в это время в Туле.

Где находился и что из себя представлял его тульский дом, мы не знаем. А узнать было бы любопытно: ведь предание упоминает о каких-то подвалах — не под домом ли? У брата его, Акинфия, они (и обширные!), согласно другому преданию, существовали под огромным его домом-дворцом, построенным в Оружейной слободе одновременно с новой (существующей ныне) Никольской церковью. Достоверно установили факт существования обширных подземных помещений и связанных с ними ходов под многими из демидовских построек и уральские исследователи.

Но вот беда: как и у отца, у Н. Н. Демидова родословные росписи дочерей не упоминают — в них отмечены только пятеро его сыновей.

Тем не менее дочь была и у него.

5. ИТАК, ОНА ЗВАЛАСЬ ТАТЬЯНОЙ...

Действительно так — Татьяной — она и звалась. И именно загадкой смерти своей вошла в летописи демидовского дома. Сведения об этой истории сохранили архивы, в том числе тульский.

Заводчикова дочь девица Татьяна Демидова заболела в 1734 году так внезапно и тяжело, что пришлось звать священников. Больную исповедовал ее духовный отец, поп Николо-Зарецкой церкви Иван Федоров; святых тайн приобщил священник того же храма Трофим Иоакимов. 19 августа (здесь и далее даты по старому стилю) она скончалась. Уже на следующий день, перед литургией тело усопшей было вынесено в церковь и в тот же день погребено.

Но еще до того, как тело предали земле, пономарь соседней, Рождества Богородицы церкви Василий Петров объявил доношением архимандриту Тульского Предтеченского монастыря Дионисию, протопопу Успенского собора Михаилу Никитину и попу Георгиевской церкви Петру Петрову, что Татьяна умерла смертью насильственной: убита отцом. Те, однако, к доносителю не прислушались: словно покрывая Демидова, «без надлежащего по тому объявлению осмотра тела чрез кого следовало», дали санкцию на отпевание и погребение. Пономарь обратился к светским властям: написал тульскому воеводе полковнику Шишкову, на Тульский штабной двор, в Московскую контору С.-Петербургской следственной комиссии о десятинном сборе. Воевода не только не дал хода делу — напротив, арестовал Петрова, и, посадив **«на большую цепь»** в Тульской провинциальной канцелярии, держал так долгое время. Позднее канцелярия объяснила свое недоверие Петрову тем, что заподозрила его в измышлении **«по злобе»**: в 1733 г. его приводил сюда Демидов, добившийся начала розыска по обвинению в побеге и краже денег. За поклеп, каковым, по мнению канцелярии, являлся донос Петрова, последний был наказан кнутом.

И все же хлопоты возмутителя спокойствия не пропали даром. «Ответствие» от воеводы потребовала комиссия о десятинном сборе. Отозвалось духовное начальство: по распоряжению епископа Коломенского Вениамина, которого также не обошел вниманием неугомонный пономарь при рассылке кляуз, ответ в Тульском духовном приказе пришлось держать архимандриту Дионисию. Тот заявил, что пренебрег осмотром тела, поверив на слово священникам Федорову и Иоакимову. Последних допросили. Оба показали, что **«об убийстве той девицы они ни от нея самой, ни от кого другого не слыхали»**. Федоров подтвердил, что исповедовал Татьяну, и что она была подлинно больна. Интересный штрих прибавил поп Трофим: Татьяна, по его словам, **«казалась**

видом всего телесного состояния НЕДАВНОЙ болезни, и как бы того ж дни во всем совершенном была здравии». Впрочем, и он заявил, что «от убиения ль умерла, того не ведает». К определенному мнению по делу епископ так и не пришел; «за недопросом некоторых светских людей» следствие приостановили. Напротив, дело, следовавшееся на протяжении 1734 года в Тульской провинциальной канцелярии, было сочтено «вершеным» (законченным).

Никто не ожидал, что колеса почти уже совсем остановившейся бюрократической машины закрутятся вскоре вновь, да так быстро, что приведут в трепет целое учреждение.

6. ДЕМИДОВЫ ПОД СЛЕДСТВИЕМ

11 сентября 1735 г. из Правительствующего Сената в Тульскую провинциальную канцелярию отправили с нарочным указ с требованием немедленно выслать в Петербург канцеляриста Якова Михайлова сына Самсонова, обязанного явиться «в Сенате у прокурорских дел» не позднее 10 октября. Указ получили 23 сентября; на следующий день к Самсонову из канцелярии был послан сержант, в доме его не нашедший. Оказалось, что прошедшей ночью тот был арестован и препровожден к работавшему в Туле Следствию (следственной группе), которое возглавлял капитан лейб-гвардии Преображенского полка Федор Лавров. Единственное, что оставалось провинциальной канцелярии — запросить Следствие, «**оной Самсонов чего ради к тому Следствию истребовав, из провинциальной канцелярии взят,... и в Сенат прислан будет ли**».

Указ отправить Самсонова в Петербург, одновременное задержание его в Туле — события внешне не согласованные, но взаимосвязанные. Имя Самсонова не раз уже выводили писарские перья, причастные к гигантскому по масштабу следствию, проводившемуся в 1733—1734 гг. в отношении владельцев частных металлургических заводов — следствию, центральными подозреваемыми и обвиняемыми в котором были Демидовы.

Начато оно было указом императрицы Анны от 4 августа 1733 г., повелевшей произвести тотальную проверку правильности расчетов заводчиков с казной, прежде всего выплаты ими «десятины» — основного налога, исчислявшегося от объема выпущенной продукции. В Тулу для обследования частных заводов от Коммерц-коллегии был направлен ассессор Василий Васильевич: в первых числах октября 1733 г. он прибыл на Тульский завод Акинфия Демидова, 11 октября — явился на заводы брата Никиты.

В помощь ревизору Тульская канцелярия выделила своего служащего Якова Самсонова. Тот не ограничился помощью канцелярской: сделал донос, заявив, что служивший прежде у А. Демидова поповский сын Алексей Игнатьев «**может многую интересную утайку знать за Демидовым и за прикащиками его**». Кое-что, слышанное от Игнатьева, он рассказал: сообщил о завышении цен, по которым Демидов продает металл казне, о сокрытии от налогообложения железа, передаваемого им (для продажи своим родственникам) приказчикам.

Закончив обследование заводов, подсчитав недоимки (один Акинфий, например, утаил по этим расчетам 85 тысяч рублей), Васильев прибыл в Петербург. 30 августа 1734 г. президент Коммерц-коллегии барон Шафиров обратился к императрице с просьбой для окончательного решения дела назначить особую комиссию. Под названием «Комиссии о партикулярных заводах» она была создана; возглавил ее тот же Шафиров. Игнатьев, опрошенный в ней по пунктам своих обвинений, не смог ничего доказать, в связи с чем последние были признаны ложными.

Но запутавший Игнатьева в это дело Самсонов тем временем сам оказался под следствием. На него донес другой демидовский приказчик, Родион Горбунов, сообщивший, что слышал от Самсонова «**о даче Никитой Демидовым за интересныя, касающиеся до него дела... тайному действительному советнику барону Шафирову денег 3 тысячи рублей**». Самсонов сначала заперся, потом указал на тульского кузнеца Лукьяна Копылова. Тот также вначале отмалчивался, но «**в застенке, под пристрастием**» сознался, что «**Никита Демидов сказывал ему наедине, что помянутый барон Шафиров просил у него на вексель 2 тысячи руб.**». Дело приобретало щекотливый оборот (тень взятки легла на лицо, возглавлявшее комиссию, причем взятки от подследственного), может быть, поэтому его удалось замять: решено было, поскольку «**в том сумнительном деле... по розыску доискаться трудно, а люди перепорчены будут (! — И. Ю.), того ради тот розыск оставить, а за ложные их первые ответы канцеляриста Самсонова записать в салдаты, а с кузнеца Копылова взять... штраф**».

Но это решение было принято лишь в 1736 году. Пока же, осенью 35-го, с арестованным в Туле Самсоновым работала следственная группа Лаврова.

Мы не знаем, с каким указом ехал в Тулу капитан Лавров, о чем именно поручено было ему «разыскать» по прибытии. Самый ранний известный нам арест, произведенный им, — арест Самсонова. Можно предположить, что тот был взят либо в связи со своим доносом на Игнатьева (то есть, фактически по делу Акинфия), либо по горбуновскому доносу (очернившему Никиту). Так или иначе, но Никита Демидов «под колпаком» у Лаврова оказался достаточно скоро. А тут еще и очередной раз всплывшее **«дело о якобы убийстве»...**

Так Самсонов открыл череду арестов тульских чиновников, основательно, хотя и ненадолго, опустошившую провинциальную канцелярию. И все, арестованные после него, были связаны с делом Татьяны Демидовой.

7. ПОДМЕНЕННАЯ МЕМОРИЯ

29 октября 1735 г. Лавров явился в Тульскую провинциальную канцелярию лично; сославшись на присланный ему именной указ, он потребовал выдать к переследованию **«вершенное дело якобы о смертном убийстве дворянина Никиты Никитина сына Демидова дочери ево девицы Татианы»**. Просимое получил и унес.

8 ноября посланными от Следствия тремя солдатами были арестованы секретарь канцелярии Николай Семенов, канцеляристы Иван Гостеев и Роман Никитин. Несколько позже (между 16 ноября и 5 декабря) задержали еще одного чиновника — подканцеляриста Максима Викулина.

Лавров действовал решительно, подчас не считаясь с законами. Так, согласно инструкции, запрещалось **«отрешать»** от работы секретарей и повытчиков (сошку помельче), **«не приняв от них правления их дел по описи»** — сделано это, однако, не было. Кроме того, дело изъято, а служащие арестованы были **«без всякого письменного виду»** — между тем, по свежее испеченному (июльскому того же года) указу **«никаких... словесных именных указов»** принимать и **«в действо производить»** было не разрешено; о нарушителях же предписывалось немедленно сообщать в Кабинет.

Обо всем этом канцелярия снова и снова напоминала Лаврову, стремясь ускорить освобождение чиновников, отсутствие которых, по ее уверениям, вконец парализовало делопроизводство: **«ныне... во оной канцелярии за взятием... секретаря и канцеляристов во отправлении всяких требуемых по силе присланных... ис Правительствующего Сената, ис Сенацкой канторы, ис коллегии и канцелярей, и ис протчих мест указов, и в сочинении ведомостей, и счетов, и всяких дел учинилась немалая остановка»**.

Ответы Лаврова отличает спокойствие, несколько, может быть, высокомерное, за которым чувствуется и уверенность в своих силах, и убежденность в праве обходиться с законами «по усмотрению». Вот образчик этой манеры, появившейся на свет в связи с очередным запросом канцелярии: **«дело взято... по силе имеющагося у меня именованного... указа, по которому... и следуетца, и приличившиися по тому делу... секретарь и канцеляристы... взяты и содержатца под караулом до окончания... следствия; а из них ежели по следствию важности какой до кого не будет, тогда и без требования провинциальной канцелярии свободены будут; а что б о том деле о приличившихся к следствию иметь с... канцелярией писменную пересылку — о том во оном... указе не изображено»**.

Уровень данных ему полномочий Лавров еще раз продемонстрировал, арестовав 14 ноября 1735 г. самого Акинфия Демидова. Того пригласили на квартиру к Лаврову, который сказал ему **«словесной домовый арест и приставил для содержания... двух человек солдат»**. Арестанту не позволили даже сообщить **«о себе, куда надлежит»** — жаловался его сын Прокофий. Показателен ответ Лаврова на требования челобитчика (упомянувшего, между прочим, и про запрет «словесных» указов): **«Что де ты мне сделаешь, что я так учинил! — я... о том в Кабинет... Императорского Величества писал»**.

1733—1735 гг. были нелегкими для Демидовых. Для Акинфия, с его огромным, нажитым умом, неустанным трудом и удачливостью богатством, возбуждавшим зависть и недоброжелательство — в особенности. Сила и власть его, казалось, пошатнулись: следствие по обвинению в уклонении от налогов затянулось на долгие полтора года. Но в марте 1735 г. оно завершилось с результатом для Демидова в общем благоприятным; тогда же он был отпущен на свои заводы. С этого времени Демидов вновь набирает силу: очередные указы решают спорные вопросы в его пользу.

Теперь сопоставим: в Туле он был арестован менее чем за месяц до первого из этих указов (от 12 декабря), под арестом просидел больше двух недель — и это в дни, когда дело явно шло к

оправданию Демидова. Штрих для характеристики Лаврова выразительный.

Неизвестно, имел ли арест Акинфия отношение к делу его младшего брата и племянницы, но подозревать связь можно. Обратим внимание: произведен он был через шесть дней после привлечения к следствию основной группы тульских чиновников — то есть, по прошествии времени, как раз достаточного для проведения первых допросов, расширивших, быть может, круг лиц, причастных к делу.

Но чем провинились сами чиновники? О чем так хотелось узнать Лаврову, без малого месяц потратившему на их допросы и очные ставки? Оказывается, в ходе первого следствия (того, что вела провинциальная канцелярия) были допущены нарушения процедуры делопроизводства, бросавшие тень и на Демидова, и на местную администрацию. Прямое отношение к ним имела вся четверка схваченных в ноябре чиновников.

Помните канцеляриста Ивана Гостеева, сидевшего под караулом у Лаврова с 8 ноября? Именно он сознался ни много ни мало в соучастии в подлоге документа. Гостеев рассказал, что в одной из промеморий, поступивших в канцелярию из Архиерейского дома, было упомянуто об отклонении от общепринятой практики обряда погребения: сказано, что тело усопшей Татьяны Демидовой **«не было посыпано перстню»** (землей). Трудно сказать, почему так получилось, но стремясь, вероятно, избежать досужих пересудов, Демидов (Никита) попросил Шишкова и секретаря Семенова переписать бумагу, что по их распоряжению и было исполнено подканцеляристом Максимом Викулиным. Новая (увы, подложная) промемория была закреплена (подписана, заверена) Шишковым, Дионисием и георгиевским попом Петром Петровым, «перемечена» Гостеевым, подлинная — изодрана канцеляристом Романом Никитиным.

8. И ПРИБЫЛО ПОЛКУ КАНЦЕЛЯРИСТОВ

Лавров с проштрафившимися канцеляристами разобрался довольно быстро: дав подписку о невыезде, они были отпущены на свободу — Викулин 5-го, Семенов, Гостеев и Никитин 9 декабря. Самсонов, проходивший сразу по нескольким сюжетам, несмотря на хлопоты провинциальной канцелярии, к середине января следующего, 1736 года, продолжал еще оставаться под стражей. Для освобожденных же пора было придумывать наказания.

Приговор в адрес тульских чиновников вынес (до 16 декабря 1737 г.) рассмотревший дело Кабинет Ея Величества. Провинившимся было назначено: секретарю Семенову — наказание плетьюми со взятием 100 рублей штрафа и понижением в должности до копииста, канцеляристу Никитину и подканцеляристу Викулину — то же, но с меньшим, в 50 рублей, штрафом. Гостеева за повинное признание наказали мягче: ограничились переводом в копиисты. Пострадали и начальники: полковник Шишков, в воеводах к тому времени уже не состоявший, был **«унижен рангом»** со взятием 200 руб. штрафа, новый воевода бригадир Тургенев, а с ним ассессор Жедринский, провинившиеся в том, что, не разобравшись в деле, «безвинно» наказали пономаря-доносителя, были оштрафованы на 50 рублей каждый.

Вынес Кабинет определение и в отношении духовных особ, участвовавших в **«перекреплении подложной мемории»**: Дионисия и соборного протопопа Никитина также велено было оштрафовать. Приговор этот 16 декабря 1737 г. Сенат сообщил Синоду; последний же 10 сентября 1738 г. принял собственное решение по поводу всех проходивших по делу подведомственных ему лиц. Наказание было не менее суровым, чем назначенное светской властью. Дионисий, человек, далеко не последний в среде тульского духовенства (он, между прочим, освящал два из трех престолов Николо-Зарецкой церкви), был лишен чина, священства и отослан **«в подначальство»** в Серпуховский Высоцкий монастырь. Священства и чина лишился и Никитин; решить, **«к какому послушанию, кроме священства, он явится потребен»**, велено было епископу Вениамину. Священник Петров был отстранен от решения дел в Духовном приказе (присутствующим в котором состоял) и подвергнут **«нешадному наказанию»** плетьюми. Попы Никольской церкви, несмотря на то, что их вина за четыре с лишним года, пока тянулось дело, так и не была обнаружена (а может быть, именно этому благодаря), остались под подозрением: велено было их вновь допросить, до особого указа запретив им служение.

Только в 1739 г., после того, как очередное следствие не обнаружило ничего нового, они были разрешены от этого запрещения. В том же году прощение заслужили и другие наказанные: Дионисию и Михаилу Никитину по ходатайству тульских жителей были возвращены их чины и священство, сами же они были определены на прежние места.

9. ПРИГОВОР ДЕМИДОВУ

Постойте, напомним читатель, а как же убийство? Слишком вольное обращение с официальными бумагами — дело, понятно, достойное, осуждения, но ведь вначале речь шла о преступлении, куда более опасном. Чем кончились разбирательства для лица, в нем (преступлении) обвинявшемся?

Из наказанных по этому делу в 1737 году Никита Демидов материально пострадал более всех: ему пришлось расстаться с 500 рублями, из которых 200 получил доноситель, торжествовавший отмщения былых обид. В чем же, по мнению судей, был виновен Демидов? В том, оказывается, что **«за произыскивание к своему оправданию, явился подозрительным»**. Другими словами, за попытки незаконными средствами отвести от себя подозрения, хотя бы и ложные. И ни слова о причастности его к смерти дочери.

Оправдался? Очистился? За что же в таком случае получил 200 рублей правдолюб-пономарь? Не в подлоге же документов обвинял он Демидова и местную администрацию — в убийстве и потворстве убийце.

Не имея на руках новых данных, не рискуем оставить под подозрением человека, оправданного несколькими следствиями. Но, осмысляя эпизод в контексте истории рода, нельзя не вспомнить, что случай убийства близкого родственника в нем уже был: в 1728 году майской ночью выстрелом в затылок был прерван жизненный путь Григория Демидова, родного брата Никиты. Убийцей оказался его (Григория) сын Иван.

10. ЛЕГЕНДА И ИСТОРИЯ

Итак, налицо целый ряд точек соприкосновения подлинной истории с легендой, с которой начинался наш рассказ: и здесь, и там внезапная смерть дочери Никиты Демидова, породившая слухи об убийстве ее отцом.

Согласно преданию Татьяна Демидова была погребена в Николо-Зарецкой церкви. Документальных подтверждений этого мы не имеем. Но учтем, что, во-первых, у Никиты Никитича Демидова дом находился в Оружейной слободе, во-вторых, духовником его исторической дочери был священник Николо-Зарецкой церкви, в-третьих, в 30 — 40-х гг. прихожанами этой церкви были члены семейств Василия, Евдокима и Никиты Демидовых, братьев Татьяны. Это позволяет достаточно уверенно предполагать, что и она была прихожанкой Николо-Зарецкой церкви, следовательно, похоронили ее где-то при этом храме. Не забудем, что в подклети нижней церкви, в которой к 1734 году службы шли уже несколько лет, в западной части, ее, находилась усыпальница, устроенная Акинфием Демидовым специально для положения тел своих родственников.

Обратим внимание на несколько любопытных деталей. Предание, мы помним, говорит о том, что трагедия произошла на день апостола Андрея Первозванного. Память его Православной церковью отмечается 30 ноября, что с датой смерти Татьяны Демидовой (19 августа) не совпадает. Но в день ее смерти отмечается память другого святого по имени Андрей: мученика Андрея Стратилата. Совпадение?

Другой штришок. Сохранился текст надписи на жертвенном кресте из Андреевского придела, в которой сообщается дата освящения жертвенника: оно было произведено по благословению епископа Вениамина архимандритом Дионисием (знакомые все лица) 25 ноября 1734 г. То есть **в год смерти Татьяны**, по прошествии трех с небольшим месяцев после нее — минимального времени, необходимого для устройства нового придела. Кстати, всего за 5 дней до дня св. ап. Андрея. Если и это совпадения, то, во всяком случае, заставляющие задуматься.

Итак, привлеченные документальные материалы позволяют с достаточной вероятностью предположить, что предание, рассказанное Малицким об основании одного из приделов Николо-Зарецкой церкви, имеет историческую основу: Никита Демидов из легенды — это исторический Демидов Никита Никитич, сын основателя династии, не названная по имени дочь его — Татьяна Никитична Демидова, не учтенная ни одной из демидовских родословных. Скоропостижная, неожиданная смерть последней вызвала упорные слухи, (всячески разжигавшиеся к тому же одним из демидовских недоброжелателей) о насильственном характере ее, убийцей молва назвала отца. Слухи эти, хотя и не были подтверждены следствием по возбужденному делу, долго еще роились и множились, пока, наконец, исчерпавшись в качестве актуальной сплетни, не перекочевали в фольклорную историю города, из которой и были почерпнуты Малицким.

Нет сомнения, что следственное дело, скорее всего сохранившееся, откроет новые интересные детали, прояснит неясности и неувязки, которых немало. Поиск продолжается.

Мы же, прощаясь с историей, приключившейся 260 лет назад, заметим, что кроме известных тулякам юбилеев из истории тульского металла и рода Демидовых, которыми отмечен 1995 год, в том же году скромный юбилей может праздновать Николо-Зарецкий храм, один из ценнейших архитектурных и исторических памятников нашего города. 25 июня (новый стиль — 6 июля) 1735 года в нем была освящена верхняя Христорождественская церковь, что можно условно считать датой окончания строительства его в целом.

Обезображенный и поруганный, он все еще стоит, украшая задворки зареченского микрорайона. Сейчас разрабатывается проект реставрации церкви, рядом с ней создается музей. Но удастся ли вернуть храму хотя бы часть того великолепия, восхищение которым заставляло наших предков называть его «Николой Богатым»?

**Игорь ЮРКИН,
заведующий историко-
мемориальным музеем
«Некрополь Демидовых».**